

МЫ БЛАГОДАРНЫ ВАМ, АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Излишне повторять, какую светлую память оставил Андрей Владимирович Брушлинский в сознании людей, встречавшихся и работавших с ним и даже просто наблюдавших его со стороны. Мысль снова и снова возвращается к событиям и эпизодам, где светлая сущность Андрея Владимировича находила свое ясное выражение. Он был деликатным и нежным человеком, и это создавало особую ауру вокруг него. Деликатность была его натурой: он так говорил, двигался, а в особенности деликатно взаимодействовал с людьми. Атмосфера уважительности и деликатности была и в его семье: жена Тамара вполне соответствовала этому духу. Не поверю, если кто-нибудь скажет, что видел Андрея Владимировича злобным, недоброжелательным, слышал от него грубое слово.

Думаю, именно эта сторона личности Андрея Владимировича оказалась главной, учитывая ту роль, какую он сыграл в Институте, пробыв более десяти лет его директором. Напомню, что Андрей Владимирович вступил в эту должность в 1989 г. после смерти Б.Ф. Ломова, директора сильного и любимого сотрудниками. Ситуация выбора нового руководителя была в высшей степени непростой и неоднозначной: в период, предшествующий голосованию в Институте по кандидатуре на пост директора, Андрей Владимирович пользовался поддержкой немногим более чем половины сотрудников, что и проявилось в результатах голосования. Но вот уже в 1993 г., когда пришло время избрания директора на новый срок, результат голосования оказался головокружительным: сотрудники Института почти полным составом сказали Андрею Владимировичу: «Да, мы хотим, чтобы Вы были нашим руководителем». Андрей Владимирович справедливо, хотя и несколько застенчиво гордился этим голосованием. Важнее всего, что этот результат не был случайным, а как бы вобрал в себя то, что произошло в институте за прошедшие четыре года: утихомирились страсти, ушли противостояния, прекратились жалобы, сотрудники имели возможность работать без ненужного давления. Конечно, трудности сохранялись: мучила низкая материальная обеспеченность, необходимость нахождения дополнительных заработков, – ведь это было начало 90-х г., время перестройки, социальных катаклизмов, соблазнов больших заработков в

других местах. Но сотрудники Института держались, понимая, что трудности объективны, а Андрей Владимирович всегда проявлял о них заботу, оказывал поддержку, ценил каждого.

Среди другого, известного об Андрее Владимировиче, мне особо дорога его языковая деликатность. У него был редкий дар чувствовать и ценить произносимое и написанное слово. Помню, как он ненавязчиво и не менторски приучал сотрудников произносить слово *рефлексия* с ударением на втором е (тогда как мы все по старой привычке делали ударение на и). Помню, какими тонкими и точными бывали его редакторские замечания. В памяти остался его изысканный юмор и радостный, почти детский отклик на остроты других. Не знаю наверно, но думаю, что он писал стихи. Его собственная речь, устная и письменная, была безупречной. Мне приходилось видеть его черновые рукописи, и поражало то, что они выглядели как редакторски отработанные тексты – без единой самой ничтожной грамматической ошибки. Это очень редко встречается даже среди образованных психологов. Высказывания Андрея Владимировича отличались логичной выстроенностью и ответственностью. Думаю, именно на эти качества обратил внимание Борис Федорович, когда в конце своей жизни предложил Андрею Владимировичу пост главного редактора «Психологического журнала» – любимого своего детища. Журнальное дело, видимо, по своей глубинной сущности удивительно подходило способностям и интересам Андрея Владимировича, и он очень дорожил им.

Большую заинтересованность проявлял он и в отношении журнала «Иностранная психология». Старался помогать материально и административно, просматривал номера перед их отправкой в типографию, предпринимал усилия для расширения аудитории читателей издания, привлекал к нему внимание Академии.

Низкий поклон Вам, Андрей Владимирович, за все доброе, что Вы несли с собой.

Т.Н. Ушакова,
доктор психол. наук, профессор, ИП РАН,
Москва